

ГЛАВА 1

Я ненавидела первую пятницу каждого месяца. В поселок всякий раз съезжались толпы людей, особенно сейчас, когда лето в самом разгаре. Не самое приятное зрелище. В тени еще терпимо, но на солнце от вспотевших от праведных трудов тел поднимался такой запах, что и молоко, казалось, свернуться может. Влажный горячий воздух дрожал. Марево поднималось над подернутыми радужной пленкой из машинного масла и бензина лужами, которые и напоминали о том, что вчера над поселком прошла гроза.

Сейчас, когда время шло к полудню, ярмарка затихала. Торговцы на время сворачивали дела. Они слишком поглощены были своими заботами, поэтому зачастую ротозейничали. Не составляло особого труда стащить то, что мне понравится. Вскоре мои карманы были наполнены всякой всячиной. К тому же я прихватила яблоко себе в дорогу. Не так плохо, если учесть, что на всё про всё мне понадобилось лишь несколько минут. Теперь я влилась в людской поток, позволяя ему увлечь меня за собой. Руки у меня проворные и быстрые. Банкноты из кармана какого-то мужчины, браслет с женского запястья. Ничего крупного. Поселковые слишком заняты своими делами, чтобы заметить, что рядом орудует карманница.

Высокие дома на высоких сваях окружали нас со всех сторон. Поселок так и называли — Сваи. Очень оригинально! Они поднимали постройки футов на десять над землей. Весной прибрежные районы затапливало, но сейчас стоял август, солнце мгновенно иссушало почву, и жители Свай страдали от немилосердной

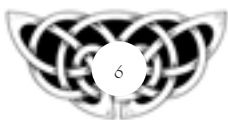

жары. Первую пятницу любили почти все. По праздникам взрослые меньше работают, а в школе уроки заканчивают раньше. Я, впрочем, предпочитала бы посиживать в заполненном детьми классе. Все равно ничему новому меня не научат.

Долго мне там задержаться все равно не светит. Вскоре мне должно исполниться восемнадцать лет, после чего одна дорога... в армию. В ученицы меня никто не брал, работы не предлагал, поэтому, как и всех других *бездельников*, меня следовало отправить на войну. Неудивительно, что сейчас днем с огнем не найдешь никакой работы. Теперь каждый мужчина, женщина и ребенок из кожи лезут, чтобы не попасть в армию.

Всех трех моих братьев, по достижении ими восемнадцати лет, отправили воевать с озерщиками. Только Шейд из всей троицы умел писать, что и делал время от времени. Уже больше года я ничего не знала о судьбе Бри и Трами. Хотя молчание — это лучшее из известий, как говорят у нас. Можно годами не получать новостей о сыне или дочери, а потом в один прекрасный день увидеть их на пороге своего дома. Иногда их просто отпускают домой на побывку или даже, благодаренье чуду, комиссуют. Куда чаще, однако, бывает, что семья получает конверт из плотной бумаги, скрепленный королевской печатью с короной, в котором говорится о том, что их сын или дочь отдали свою жизнь за короля. Иногда в конверте присылают несколько пуговиц, споротых с мундира покойного.

Бри ушел в армию, когда мне исполнилось тринадцать лет. Он поцеловал меня в щеку и подарил мне и моей сестре Гизе одну пару сережек на двоих. Каждой досталось по одной. Это были стеклянные бусинки-висюльки розоватого, закатного цвета. В тот день мы с сестрой прокололи себе уши. Трами и Шейд поддерживали начинание старшего брата. Теперь у меня с Гизой три пары сережек в память о сражающихся где-то братьях. Я каждый раз не верила в возможность худшего до тех пор, пока на пороге нашего жилища не появлялся легионер, облаченный в блестящие доспехи, и не забирал братьев одного за другим. Я уже сама начала экономить и воровать для того, чтобы подарить Гизе серьги в день, когда за мной тоже придут.

«Не думай об этом», — обычно говорила мне мама. Не думать об армии. Не вспоминать о братьях. Вообще стараться ни о чем не думать. *Очень полезный совет, мама.*

На пересечении Мельничной улицы и Маршевой дороги в толпу влилось еще больше поселковых. Среди прочих заметны стали ребяташки с проворными, «липкими» пальчиками, уже понаторевшие в искусстве очищать чужие карманы. Пока что они были всего лишь учениками в этой области, слишком маленькими, чтобы достичь истинных высот. Стражники уже приступили к их отлову.

Едва осязаемое прикосновение к запястью заставило меня действовать, подчиняясь своим инстинктам. Я крепко-накрепко вцепилась в руку того, кто имел глупость попытаться меня обокрасть. Маленький чертенок теперь попался. Вырваться от меня он все равно не сможет. Худящее лицо негодя между тем светилось вполне самодовольной улыбкой.

Звали его Килорн Уоррен. Ученик рыбака, сирота войны, пожалуй, единственный мой настоящий друг. Детьми мы часто дрались, но теперь повзрослели. К тому же Килорн был на добрый фут меня выше, поэтому я остерегалась с ним заводиться. Своим высоким ростом он вообще всюю пользовался, дотягиваясь, например, до самых высоко прибитых полок.

— Ты становишься проворнее, — высвобождая руку от захвата, засмеялся он.

— А ты, наоборот, медлительнее.

Парень округлил глаза и вырвал яблоко, зажатое у меня в руке.

— Гизу ждать будем? — кусая яблоко, спросил он.

— У нее на сегодня дела... работает.

— Тогда пойдем, или ты хочешь опоздать на зрелище?

— Ни за что! Это стало бы трагедией всей моей жизни.

— Ай-ай-ай, Мара! — шутливо грозя мне пальцем, произнес Килорн. — Это должно быть в радость.

— Я тебя предупреждаю, дурная голова...

Но парень уже двинулся вперед. Ступал он широко и быстро, так что мне едва не пришлось перейти на бег, чтобы его нагнать.

При ходьбе Килорн раскачивался из стороны в сторону. Он называл свою походку *морской*, хотя ни разу не ходил далеко в море. Для выработки привычки вполне хватило долгих часов, проведенных стоя в лодке хозяина, пусть даже зачастую они рыбачили на реке.

Как и мой папа, отец Килорна отправился воевать: мой вернулся без одной ноги и с больным легким, а вот останки мистера Уоррена доставили домой в обувной коробке. Вскоре после этого мать Килорна сбежала, оставив сына выживать, как хочет. Он очень голодал, но при этом продолжал со мной драться. Мне приходилось его подкармливать, а то избивать обтянутый кожей мешок с костями — небольшое удовольствие. И вот, по прошествии десяти лет, он стал учеником рыбака и на войну не пойдет.

Когда мы добрались до подножия холма, толпа стала еще оживленнее и многочисленнее. Люди толкались и оттесняли друг друга. Мероприятия на Первую пятницу обязаны посещать все. Исключение составляют случаи, когда тебе приказывают заняться «особо важным делом», если, конечно, вышивание по шелку, как в случае с моей сестрой, можно таковым назвать. *Серебряные* вообще любят изделия из шелка. Даже стражников, по крайней мере некоторых из них, можно подкупить вышитыми моей сестрой вещами. Не то чтобы я много об этом знала...

Тени вокруг нас удлинились, пока мы взбирались вверх по каменным ступеням на вершину холма. Килорн преодолевал за раз по две ступеньки, оставляя меня позади, а потом останавливался и ждал меня. Взирая на меня сверху вниз своими зелеными глазами, он то и дело отпускал шуточки.

— Иногда я забываю о том, что у тебя ноги ребенка.

— Зато не мозги, как у тебя.

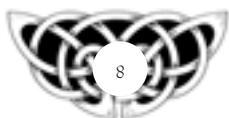
Проходя мимо, я легко чмокнула его в щеку. Он рассмеялся.

— Ты сегодня ворчливее, чем обычно.

— Не люблю я все это.

— Прекрасно тебя понимаю, — посерьезнел Килорн.

И вот мы вышли к арене. Над головой пылало знойное солнце. Арену построили лет десять назад. Это, без сомнения, самое

огромное строение в Сваях. Конечно, наша арена — ничто по сравнению с грандиозными сооружениями в больших городах, но вздымающиеся вверх стальные арки и тысячи квадратных футов бетона у любой поселковой девчонки могут вызвать полнейший восторг.

Повсюду в толпе видны были стражники в черно-серебристой форме. Сегодня — Первая пятница, и стражники едва сдерживали свое нетерпение. Вооружены они были револьверами или небольшими пистолетами, но это скорее дань традиции. Никто не посмеет угрожать стражникам. Они *серебряные*, а *серебряным* нечего опасаться со стороны *красных*. Все это знают. Мы им не ровня, хотя с первого взгляда и не скажешь. Единственное явное отличие состоит в том, что *серебряные* ходят, гордо выпрямившись, а наши спины сгорблены тяжелым трудом, тщетными надеждами и молчаливым недовольством тем местом, которое мы занимаем в обществе.

Наша арена не крытая, поэтому здесь так же жарко, как и везде. Килорн, поднимаясь на цыпочки, как обычно, повел меня туда, где было некое подобие тени. Настоящих деревянных скамеек на арене не было. Обычные люди сидели просто на бетоне. Только благородные *серебряные* наверху имели возможность сидеть в тени и прохладе удобных лож. Там к их услугам — прохладительные напитки, всевозможные яства, *лед*, даже в самый знойный летний день, мягкие стулья, электрический свет и другие радости жизни, недоступные мне. А *серебряные* ничего этого не ценят и время от времени жалуются на «нестерпимые условия». Если мне выпадет шанс, я им покажу, что значит нестерпимые условия. Все, что у нас есть, — бетонные сиденья и большие видеоэкраны, цвета которых отличаются излишней пестротой, а звуки прямо-таки оглушают.

— Ставлю дневной заработок на то, что сегодня победит *силънорукий*, — сказал Килорн, бросая огрызок яблока себе под ноги. — Спорим?

— И не подумаю, — отрезала я в ответ.

Многие *красные* ставят свои серьги на кон во время боев. Они надеются немного разжиться деньжатами и скрасить свою

